
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ SOCIAL PSYCHOLOGY

Социально-психологические феномены и факторы, связанные с модификациями тела у подростков и молодежи

Кожухарь Г.С.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8680-1188>, e-mail: kozuhargs@mgppu.ru

В статье представлен теоретический анализ современных зарубежных представлений о социально-психологических феноменах и факторах, связанных с нанесением татуировок и отказом от них среди подростков и молодых людей, а также о роли модификаций тела в развитии личности. На основании проделанного анализа, модификации тела интерпретируются как симптомы деформаций формирования идентичности у подростков, искаженных представлений о духовности и самовыражении. Рассмотрена роль таких социально-психологических феноменов в жизни людей с татуировками, как социальная идентичность, социальная адаптация, дискриминация, социальные предубеждения, временная перспектива, отчуждение, стигматизация в социуме. Также показана специфическая детерминированность татуирования социально-психологическими факторами: включенностью в определенные социальные группы, и их референтностью, важностью качества контактов и близких отношений, в которые вступают молодые люди, существенным влиянием семьи, значимыми другими, культурой и религией.

Ключевые слова: модификации тела, татуировки, пирсинг, идентичность, качества личности, социально-психологические показатели.

Для цитаты: *Кожухарь Г.С.* Социально-психологические феномены и факторы, связанные с модификациями тела у подростков и молодежи [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 4. С. 56—65. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090405>

Social and psychological phenomena and factors associated with body modifications in adolescents and young people

Galina S. Kozhukhar

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8680-1188>, e-mail: kozuhargs@mgppu.ru*

The article presents a theoretical analysis of modern foreign ideas about socio-psychological phenomena and factors associated with tattooing and abandonment among adolescents and young people, as well as the role of body modifications in the development of personality. Based on the analysis done, body modifications are interpreted as symptoms of deformations of the formation of adolescent identity, distorted ideas about spirituality and self-expression. The article discusses the role of such socio-psychological phenomena in the lives of people with tattoos as social identity, social adaptation, discrimination, social biases, temporary perspective, alienation and stigmatization. It also shows the specific interplay between tattooing and socio-psychological factors: inclusion in certain social groups, and their reference, the importance of the quality of contacts and close relationships in which young people enter, significant family influence, significant others, culture and religion.

Keywords: body modifications, tattoos, piercings, identity, personality qualities, socio-psychological indicators.

For citation: *Kozhukhar G.S.* Social and psychological phenomena and factors associated with body modifications in adolescents and young people. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 4, pp. 56—65. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090405> (In Russ.).

Введение

Традиция татуирования ведет свое начало со времен первобытного общества и древних культур. В последние годы татуировки становятся все популярнее, привлекая внимание более широких слоев населения и расширяя возрастной диапазон тех социальных групп, которые их используют. Татуировка создает устойчивый эффект, модифицируя тело в соответствии с современными представлениями о принятых в той или иной социальной группе установленных нормах привлекательности.

Хотя популярность модификаций тела увеличивается, психосоциальных данных о практикующих пирсинг и нанесение татуировок еще не так много и, главное, зачастую они являются достаточно спорными и противоречивыми. В настоящее время в научной литературе существует дискуссионная точка зрения, согласно которой между людьми с тату как нет различий, так и доказываются наличие существенных отличий по разным психологическим и социально-психологическим особенностям.

В современной отечественной литературе можно встретить точку зрения, согласно которой модификации тела рассматриваются, с одной стороны, как социально санкционированные практики самоповреждения, с другой стороны — как практики самовыражения и самосовершенствования [3]. Вместе с тем, модификации тела коррелируют с аддиктивным поведением [2].

Во многих зарубежных исследованиях подчеркивается, что современные мотивы модификаций тела связаны не только с целью идентификации с определенной социальной группой, но, прежде всего, с поисками и обретением самоидентичности, автономии и ориентацией на моду [16; 26 и др.].

В данной статье мы делаем акцент на проблеме татуирования как варианте девиации в контексте определенной социальной среды, которая проявляется в сужении самосознания, деформации идентичности (в форме отчуждения Я от тела) и духовного развития.

Собственно, главная идея данной статьи заключается в том, что подростки и юноши, которые начинают увлекаться модификациями тела в форме татуировок и/или пирсинга, выбирают неадекватный путь формирования социальной идентичности. Мы полагаем, что особенно нанесение татуировок является симптомом вопросов обретения целостности или ее нарушениями. Проблема соотношения тела, души и духа интересует человечество с начала осознания данной триады. Восприятие собственного тела как отчужденного от Духа критиковалось еще Франциском Ассизским, Библия и Коран запрещают татуировки.

Противоречие, как нам представляется, заключается между поиском самоидентичности и ее жестким закреплением в татуировке и восприятием своего телесного Я как чего-то отдельного, отчужденного, которое можно использовать как лист бумаги, на котором

мы рисуем, что хотим, изменяя, разрывая листы и выбрасывая их. С заполненными частями тела так обращаться не получится, поэтому возникает (или имеется как один из факторов), проблема с временной перспективой, с самосознанием себя в перспективе будущего развития. Иными словами, это проблема идентичности с точки зрения ее будущего, в том числе целеполагания во временной перспективе, причем, прежде всего, духовного развития. Например, в данное время актуальным стало нанесение тату образов (символа) коронавируса и туалетной бумаги, т. е. «актуальных» здесь и сейчас. В течение жизни с человеком происходит столько значимых событий, что, естественно, их невозможно разместить на теле. В результате происходит сужение образа Я до объема тела и тех изображений, которые могут на нем поместиться. Можно предположить, что возникает противоречие, рассогласование между Я-концепцией и образом Я как идентификацией с телом как носителем определенного объема смыслов, отображенных на теле. Пример — хорошо известный сын Е. Яковлевой, который начал сводить татуировки с лица в 27 лет.

Подросток концентрируется на своей социальной идентичности в ближайшем будущем, отождествляя часть своего сознания с изображением на теле. Но проблема саморазвития в том, что оно безгранично и беспредельно и теоретически мы можем идентифицировать себя со всей Вселенной и ее каждой частичкой. Иными словами, татуировки выступают как границы, фиксированные на теле и сдерживающие изменения развития самосознания или направляя его модификацию в определенное русло. Этот факт напрямую связан с вопросами самоопределения и социальной адаптации.

В Яндексе можно найти более 6 тысяч изображений татуировок, посвященных коронавирусу. Люди наносят на свое тело память о важном событии в их жизни. Если речь идет о спасении жизни, втором рождении, сомнительно нанесение таких образов (рис. 1, 2) [4].

Рис. 1. Тату символа коронавируса

Рис. 2. Тату на память о коронавирусе

Примеры данных татуировок, а также проведенные исследования и эксперименты подтверждают наличие специфической временной перспективы у данных лиц — они ориентированы на ближайшее настоящее, у них не развита временная перспектива, нацеленная в будущее. Причем на этот факт не влияет ни мотивация нанесения тату, ни время обдумывания до того, как она сделана, и после совершения данного действия [21].

В то же время Свами и его коллеги не нашли существенных межгрупповых различий между татуированными и не татуированными взрослыми в готовности принимать этические и социальные риски, в проявлении импульсивности при внимании и планировании, в склонности к переживанию скуки. Кроме того, различия, которые им удалось обнаружить, были очень малыми или незначительными. Выявлено, что татуированные взрослые имели более высокую моторную импульсивность, в большей степени готовы взять на себя риски в рекреационной сфере, в вопросах собственного здоровья и безопасности. Среди татуированных взрослых не было обнаружено значимых различий между количеством татуировок и любым из изученных показателей. Не было никаких существенных взаимосвязей между татуировками и полом, образованием, семейным положением и национальностью. Авторы пришли к выводу о том, что в их исследованиях татуированные и не татуированные взрослые имели больше сходства, чем различий и похоже, что татуировки теперь являются мейнстримом и что любые социально-экономические границы сглаживаются (взрослые из центральной Европы, N = 1006 человек) [16; 26].

В то же время большое количество работ на эту тему демонстрируют другие факты. На них мы и сконцентрируем свое внимание.

Таким образом, основная проблема, которая интересует нас в данной работе — это возможности прогноза развития татуированных подростков и их социально-психологическая адаптация к обществу, связанная с возникающими социально-психологическими феноменами и социально-психологическими факторами на

примере зарубежных исследований, проведенных на подростках и молодежи.

Взаимосвязь нанесения тату с социально-психологическими феноменами в жизни подростков

В настоящее время татуировки и пирсинг могут рассматриваться как мейнстримная практика, но при этом во многих психологических работах убедительно доказана их связь с девиантным поведением и противозаконной деятельностью. Подростковый период развивается по пути формирования окончательной идентичности. Одним из компонентов является физическая идентичность, которая может становится «зеркалом» внутренней сущности. Татуировки, предлагаемые как часть тенденции моды, принимаются большим количеством молодых людей, но, с другой стороны, многие подростки остаются равнодушными к данной форме проявления самоидентичности. Построение специфики психосоциального профиля подростков с татуировками являлось целью многих эмпирических работ. В частности, Зрно и коллеги показали, что подростки с большим количеством татуировок (2 или более) проявляют более высокую агрессивность, низкую толерантность к фрустрации и импульсивность, социальную расторможенность, им не присущи чувства, связанные с социальными страхами, переживанием неприятных эмоций и стыда. В результате авторы приходят к выводу о том, что молодые люди с татуировками имеют специфический психосоциальный профиль и большое количество татуировок можно интерпретировать как скрининг с указанием на поведенческие расстройства [13].

Хотя нанесение татуировок повышает самооценку подростков, во всяком случае на время перехода в другой возрастной период или другую социальную группу; при восприятии собственной идентичности они ориентированы на краткосрочную перспективу, что также связано со склонностью к рискованному поведению [25]. Ориентация на близлежащую временную перспективу вызывает трудности в постановке целей, связанных, например, с профессиональным будущим, созданием семьи, достижением определенной позиции в социуме и т. п., т. е. является одним из барьеров социальной адаптации.

Так, например, Абраменкова В.В. рассматривает татуировки как «своеобразное графическое поименование», но также и как способ деперсонализации личности, которому не только приписываются ритуальные функции, но и «само создание несмыслаемых текстов и рисунков на теле превращается в сакрализованное действие, по завершении которого должна полностью измениться и сущность человека» [1, с. 26].

Опасность заключается, на наш взгляд, в том, что у тех подростков и юношей, которые начинают модификации тела в форме татуирования, как отмечает Свами, у 93% возникает страсть к «коллекционированию», у

части формируется психологическая зависимость: каждый второй участник соглашается с этим (56%); 76% планируют продолжить эксперименты, в то время как 39% молодых людей обеспокоены судьбой их тату при старении. Желание избавиться от уже нанесенных татуировок выражено редко (9%) [17].

Интересно, что, в отличие от европейских стран, США и Канады, татуаж традиционно считался и считается одной из форм девиантного поведения во многих азиатских странах, включая Тайвань. Однако в последние годы средства массовой информации и западная массовая культура и в этой стране повлияли на отношение к татуировкам.

В исследовании Йена и соавторов, проведенного на юге Тайваня, у 9755 учащихся средней школы (с 7 по 12 класс) только у 1% было по одной или больше татуировок на теле. Старшеклассники с татуировками чаще имели низкий контроль со стороны членов семьи, их друзья употребляли алкоголь и запрещенные наркотики, имели судимости или были членами хулиганских группировок. Татуаж был связан с насилием, еженедельным употреблением алкоголя, незаконным употреблением наркотиков, попытками бросить школу, незащищенным сексом, мыслями о самоубийстве и совершением попыток, депрессии. В качестве значимых факторов, влияющих на выбор у подростков, были названы социально-демографические, подчеркивалась роль семейных отношений и особенности общения со сверстниками, а также значимость этих отношений [27].

Нанесение татуировок в подростковом возрасте в значительной степени коррелирует с более высоким уровнем потребности в острых ощущениях, связанной с асоциальным поведением: например, употреблением наркотиков агрессивностью, гневом, импульсивностью в принятии решений, которая, в свою очередь, зачастую увеличивает риск насилия по отношению к другим. Нанесение татуировок является показателем рискованных сексуальных действий, одновременно татуированные подростки чаще сообщают, что они бросили школу, а студенты колледжа чаще переживают социально-психологический стресс [5; 7; 20]. Подростки, склонные к задержанию полицией, также имеют большее количество татуировок [28]. Некоторые результаты исследований демонстрируют корреляции с токсикоманией, расстройствами пищевого поведения у подростков, и членовредительством [6].

Здесь может иметь место взаимосвязь: с одной стороны, личностные деформации порождают потребность нанести татуировки и бросить школу; с другой стороны, важно понимать, что уход из школы увеличивает риск вступления в контакт с определенной социальной средой, вхождением в конкретные социальные группы, что увеличивает интерес подростков к татуировке.

Важный вывод, с практической и прикладной точки зрения, как нам представляется, делают в своей работе Дешес, Файнс и Демерс, заключая, что нанесение татуировок может служить в качестве клинического маркера, способного обеспечить специалистов в обла-

сти здравоохранения дополнительной информацией (симптомами) для предупреждения рискованного поведения подростков. Требуется тщательная оценка татуированных подростков для того, чтобы выявить тех, кто может принимать участие в мероприятиях, потенциально опасных и угрожающих их безопасности и развитию, а также другим членам общества [10].

Обнаружено, что татуировки возможно анализировать как маркеры склонности к самоубийству или случайной смерти, смерти от несчастного случая, предположительно, из-за их общего риска злоупотребления разными веществами и расстройствами личности [11], приводящими к различным формам асоциального поведения.

На достаточно большой выборке немецких граждан (N = 2043) была продемонстрирована взаимосвязь психологических факторов татуировки и пирсинга. Распространенность татуировок и пирсинга особенно ярко проявилась у лиц в возрасте от 14 и 24 лет (38% опрошенных женщин имели пирсинг; 22% респондентов мужского пола были с татуировками). В качестве одной из причин данного факта авторы рассматривают мотивацию соответствовать моде для того, чтобы вписаться в группу сверстников. Также данная практика интерпретируется как один из способов достижения разнообразия в жизни, единства ситуации и переживания, которое подразумевает физические и социальные риски, поиск острых ощущений, особенно ярко выраженный среди молодых людей [24].

Актуальным является вопрос о том, насколько сделавшие татуировки сожалеют о своих поступках. Так, среди 417 татуированных подростков в школьном округе Колорадо одна треть выразили сожаление о содеянном. Полученные результаты позволяют предположить, что сожаление является частью более мэйнстримного развития траектории для татуированных подростков [12].

В целом, 33% респондентов выражают сожаление. Среди 62 респондентов в возрасте от 11 до 14 лет, которые имеют татуировки, 47% выражают сожаление, а также среди 282 респондентов в возрасте от 15 до 19 лет, 27% жалели о содеянном. Среди молодых женщин 31% сказали о сожалении, а среди молодых людей — 36%. Среди респондентов-правонарушителей моложе среднего возраста 41% признавались в том, что не делали бы тату, а среди возрастной группы выше среднего — только 23%. Эти результаты автор связывает с тем, что более молодые люди принимают решение о татуировании импульсивнее, сделанные им тату менее профессиональны, поскольку стоят дешевле, и у них меньше сверстников, имеющих тату. В связи с этим они чаще переживают стигму и у них меньше возможностей справиться с сожалением. [12].

Получены статистически достоверные данные о высокой распространенности модификаций тела в подростковой возрастной группе населения Германии. Это свидетельствует о необходимости превентивных мер и информирования подростков, чтобы умень-

шить последствия для общего состояния здоровья. Тем не менее, данные также показывают, что бодимодификации в основном связаны со снижением социальных связей и поисками острых ощущений, что, в свою очередь, может повысить восприимчивость к моде и давлению со стороны группы сверстников, а также может отражать проблемы, связанные с социальной интеграцией [24].

Литература, посвященная нанесению тату подростками, показывает, что татуировки могут быть частью девиантной субкультуры, в которую включаются респонденты благодаря совершенным действиям. Татуировка выполняет функцию стигматизации подростка, что может вступать в противоречие с его прежней потенциальной траекторией развития, которая могла бы уберечь ребенка от девиантных отклонений. Молодые люди более склонны испытывать маркировку стигматизацией, чем девушки. Причем подростки, которые воспринимают татуирование как меньший проступок, сообщают о большем сожалении, они, вероятно, более ориентированы на социальный контроль, чтобы соответствовать социальным ожиданиям и нормам поведения [23].

Таким образом, можно констатировать, что нанесение татуировок напрямую связано с формированием социальной идентичности, с проблемами включения в группы сверстников, со снижением социальных связей и, в широком смысле, с социальной интеграцией и адаптацией.

Исследования молодежи с модификациями тела

Важность исследований особенностей молодых людей с татуировками и без таковых заключается в их прогностической роли для развития личности подростков, склонных к модификациям тела (соматическим модификациям), в частности, в форме татуирования и пирсинга.

В исследовании Раффла и Вилсона обнаружены данные, свидетельствующие о дискриминации татуированных лиц на рынке труда и в коммерческих сделках. Таким образом, решение людей сделать татуировку может отражать недальновидные временные предпочтения. Согласно анализу многочисленных исследований, авторы утверждают, что люди с татуировками, особенно хорошо видимыми, имеют кратковременную перспективу и более импульсивны в принятии решений, чем не татуированные. Даже выраженное намерение сделать татуировку предсказывает повышенную деформацию временной перспективы и помогает установить направление причинно-следственной связи между татуированием и ориентацией на близлежащие цели [21].

В работе Стирна, Оддо и соавторов респондентами выступили 432 субъекта с пирсингом на теле и/или татуировками (читатели специализированного журнала о модификации тела, средний возраст — 28 лет).

Средняя продолжительность модификаций тела (пирсинг и татуировки) составила девять лет. Участники с историей сексуального насилия и с более чем 10 вариантами модификаций тела отличались от тех, кто не имел опыта насилия и обладал меньшим количеством тату и пирсинга. Участники исследования, которые когда-либо подвергались сексуальному надругательству, часто заявляли, что они хотели преодолеть пережитый опыт: для них было характерно пристрастие к продолжению модификации тела. Авторы данной работы считают, что клиницисты должны включать вопросы о модификации тела и мотивации в анамнестическое обследование клиентов и пациентов [17].

Испытуемые, практикующие модификации тела показывают значительно больше случаев сексуального насилия, телесных повреждений и криминальных историй, обнаруживают признаки аддиктивного поведения, а также упоминают о том, что данное действие помогает им справиться с травмой. Как уже отмечалось, татуированные подростки и молодые люди демонстрируют рискованное поведение, гнев, потребность поиска новых ощущений; выявлена связь с психосоциальными стресс-факторами. Склонность к модификациям тела отрицательно коррелирует со степенью социальной интеграции; как уже отмечалось, в западном обществе эта склонность подтверждается тем фактом, что такие субъекты менее религиозны, чем люди без наличия тату [5; 10; 20; 28]. Этот факт может служить аргументом в пользу утверждения того, что в современной западной социальной среде татуировки, по крайней мере частично, выполняют символические функции и служат в качестве суррогатов, заменяющих ритуалы [14].

Следует подчеркнуть, что существенное значение во многих работах, посвященных особенностям людей, склонных к модификациям тела, и молодежи в том числе, уделяется важности социальных связей, социального контекста, включенности в определенные социальные группы [18; 20; 22].

Вместе эти результаты свидетельствуют о том, что основной причиной для модификаций тела может быть тревожность в результате слабых, хрупких социальных связей; основным мотивом в этом случае выступает включение в группу сверстников или конкретную социальную группу, а также базовая потребность в причастности и в аффилиации.

Таким образом, нанесения татуировок является результатом взаимодействия индивидуальных факторов и социального контекста.

В настоящее время остро стоит вопрос: восприятие людей с татуировками — это социальный стереотип или отражение объективных особенностей типа личности? В частности, в одном из исследований эта проблема рассматривалась с точки зрения выявления являются ли татуированные люди действительно более агрессивными и бунтовщиками, склонными к риску?

Исследование, проведенное на респондентах из Лондона (378 взрослых), подтвердило, что татуирован-

ные взрослые имели значительно более выраженный уровень реактивного бунтарства, гнева и вербальной агрессии, чем не татуированные взрослые. Тем не менее, размеры эффекта были небольшими и не было никаких существенных различий между группами в проявлении активного бунтарства, физической агрессии и враждебности. Эти результаты свидетельствуют о том, что, в то время как стереотипы могут содержать зерно истины, они, вероятно, демонстрируют устаревшую картину представлений о взрослых с татуировками, по мнению авторов [14; 15; 32].

Для молодежи также характерно переживание стигматизации. Например, сравнивались отношения к татуировкам среди 195 татуированных и 257 не имеющих татуировок студентов колледжа. Наличие друзей с тату и членов семьи с татуировками влияло на отсутствие или низкий уровень предубеждений против модификаций тела. В то же время страх побочных эффектов от нанесения татуировок (например, фактор здоровья) усиливал фобии по поводу будущего. Авторы считают, что важно исследовать модификации тела в рамках теории отношений, стигматизации, виктимизации, стереотипов и предрассудков [23].

Несмотря на то, что первые и многочисленные исследования татуированных лиц подчеркивали доминирование негативного отношения (предрассудков) к таким людям (от более-менее социально приемлемого поведения до девиантного), как уже отмечалось, есть и иные точки зрения. Так, Мадфос и Арфорд полагают, что необходима легитимизация татуированных людей и восприятие их тела как подлинного рассказа, который объясняет духовность и глубокое смысловое значение татуировки в качестве иллюстрации значений, ответственности за ее нанесение, а также переживание удовлетворения и сдержанности [14].

Даже сейчас, когда все больше людей и все более разнообразные группы имеют татуировки, исследования показывают, что нанесение татуировок рассматривается как негативное поведение, подверженное стигматизации. Стигма предполагает, что есть определенные качества или характеристики, которые считаются нежелательными или отклоняющимися, что приводит к переживаниям тревожности, дискриминации и социальному отчуждению. Иными словами, в обществе существуют стереотипы и предубеждение против татуированных молодых людей. Кроме того, многие люди считают, что нанесение татуировок является проявлением бездумного и безответственного поведения [21].

Одной из важных объяснительных моделей является контактная теория, которая утверждает, что межгрупповой контакт может уменьшить межгрупповое предубеждение. Общение с татуированными респондентами может быть более важным с точки зрения перевешивания значимости нормативных ограничений и страха возможной стигматизации, связанной с будущими татуировками [4].

Собственно, сами татуированные молодые люди, как правило, утверждают, что модификации тела

позволяют им достичь чувства самобытности, в частности, в области внешнего вида. Такие люди имеют более высокую потребность в уникальности и демонстрации отличий от окружающих, и, соответственно, татуировки усиливают чувство переживания уникальности. Представленные данные являются важными, поскольку они определяют самовыражение и чувство идентичности или уникальности как результаты, а не просто предикторы получения татуировки [25]. Наша точка зрения заключается в том, что мы имеем дело с деформированными понятиями уникальности, идентичности и способами самовыражения.

Например, на выборке из 2395 студентов колледжа, учащихся в шести американских общественных университетах, изучались взаимосвязи между возрастающим числом сделанных на теле татуировок и чувством собственного достоинства, переживанием депрессии, мыслями о самоубийстве, и сообщениями об одной или более попытках самоубийства. Результаты показали четырехкратное повышение попыток самоубийства у девушек с четырьмя или более татуировками в сравнении с теми, у кого их не было вообще или было менее трех. В то же время авторы данной работы отмечают парадоксальный, с их точки зрения, факт статистически значимого роста чувства собственного достоинства у группы с татуировками [29].

Вместе с тем студенты колледжа, у которых четыре или больше татуировок, с большей вероятностью сообщают об участии в девиантном поведении [9].

В данной статье мы не затрагиваем существующие различия между татуированными девушками и юношами, поскольку это большая сфера исследований, требующих особого внимания, но, безусловно, достоверные различия существуют [19].

Обобщая проанализированные работы, можно заметить, что данные последних лет свидетельствуют о том, что общественное мнение о связи между наличием татуировки и девиантным поведением меняется в сторону снижения предрассудков и стереотипов, что, как нам представляется, не означает отказа от понимания наличия проблемы различий между татуированными и не татуированными или обладающими другими модификациями тела подростками, которые могут стать модными в эпоху цифровизации.

Выводы

В исследованиях Свами и его коллег наблюдаются попытки доказать тождественность внутреннего мира татуированных и не татуированных лиц, что приводит к тому, что в обществе наблюдается тенденция к снижению уровня предубеждений и стереотипов по отношению к модификациям тела среди молодежи.

Существуют различия в восприятии собственной социальной идентичности с точки зрения временной перспективы (краткосрочность доминирует) подростков с тату и без них.

При нанесении татуировок происходит разотождествление тела и внутреннего мира человека, что приводит часто к дискриминации, негативным социальным установкам и нарушению социальных связей подростков.

В западном обществе можно фиксировать влияние меньшинства на большинство, которое проявляется в изменении и формировании новых стереотипов восприятия, связанных с внесением позитивного смысла в модификации тела.

Социальная среда, с одной стороны, выступает как фактор снижения переживания стигматизации или избавления от нее, с другой стороны — как фактор восприятия татуирования в качестве современной нормы жизни.

Одновременно стигма предполагает, что есть определенные качества или характеристики, которые считаются нежелательными или отклоняющимися, что приводит к переживаниям тревожности, дискриминации и социального отчуждения.

На решение о нанесении или не нанесении татуировки влияют такие социально-психологические факторы, как включенность в конкретные социальные группы, степень их референтности, качество контак-

тов и близких межличностных отношений, реакция членов семьи, значимых других, принадлежность к определенной культуре и религии.

Количество татуировок является маркером для выделения подростков в группу риска и проведения индивидуальной и групповой психологической, консультативной, психотерапевтической работы с ними.

Заключение

В социокультурном контексте следует активно профилировать рост моды на модификации тела, поскольку существует прямая зависимость между количеством татуировок и деформациями в социально-возрастном развитии подростков и юношей.

По нашему мнению, в процессе увлечения модификациями тела у молодых людей формируется деформированная идентичность, что проявляется в трансформации традиционных ценностей и смыслов, связанных с феноменами саморазвития и самовыражения, с точки зрения духовного аспекта, что влияет на степень успешности или не успешности социальной адаптации.

Литература

1. Абраменкова В.В. Поименование как культурный феномен — в истории и современности [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2009. Том. 5. № 4. С. 23—32. URL: https://psyjournals.ru/kip/2009/n4/26996_full.shtml (дата обращения: 14.05.2020).
2. Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 1. С. 90—107. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76156.shtml> (дата обращения: 02.06.2020).
3. Польская Н.А. Особенности самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 92—97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samopovrezhdayuschego-povedeniya-v-podrostkovom-i-yunosheskom-vozraste/viewer> (дата обращения: 02.06.2020).
4. Adams J. Marked difference: Tattooing and its association with deviance in the United States // *Deviant Behavior*. 2009. Vol. 30. № 3. P. 266—292. DOI:10.1080/01639620802168817
5. Armstrong M.L., Masten Y., Martin R. Adolescent pregnancy, tattooing, and risk taking // *MCN, The American Journal of Maternal/Child Nursing*. 2000. Vol. 25. № 5. P. 258—261. DOI:10.1097/00005721-200009000-00008
6. Body modification and substance use in adolescents: is there a link? / T.L. Brooks [et al.] // *Journal of Adolescent Health*. 2003. Vol. 32. № 1. P. 44—49. DOI:10.1016/S1054-139X(02)00446-9
7. Carroll L., Anderson R. Body piercing, tattooing, self-esteem, and body investment in adolescent girls // *Adolescence*. 2002. Vol. 37. № 147. P. 627—637.
8. Chan M., Guo J. The Role of Political Efficacy on the Relationship Between Facebook Use and Participatory Behaviors: A Comparative Study of Young American and Chinese Adults // *Cyberpsychology Behavior and Social Networking*. 2013. Vol. 16. № 6. P. 460—463. DOI:10.1089/cyber.2012.0468
9. Correlations of religious belief and practice with college students' tattoo-related behavior / J.R. Koch [et al.] // *Psychological Reports*. 2004. Vol. 94. № 2. P. 425—430. DOI:10.2466/pr0.94.2.425-430
10. Deschesnes M., Fines P., Demers S. Are tattooing and body piercing indicators of risk-taking behaviours among highschool students? // *Journal of Adolescent*. 2006. Vol. 29. № 3. P. 379—393. DOI:10.1016/j.adolescence.2005.06.001
11. Dhossche D., Snell K.S., Larder S. A case control study of tattoos in young suicide victims as a possible marker of risk // *Journal Affect Disorders*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 165—168. DOI:10.1016/S0165-0327(99)00136-6
12. Dukes R.L. Regret among tattooed adolescents // *The Social Science Journal*. 2016. Vol. 53. № 4. P. 455—458. DOI:10.1016/j.soscij.2016.08.004
13. Emotional profile and risk behaviours among tattooed and non-tattooed students [Электронный ресурс] / M. Zrno [et al.] // *Medicinski Glasnik*. 2015. Vol. 12. № 1. P. 93—98. URL: https://www.researchgate.net/profile/Matea_Zrno2/publication/272191883_Emotional_profile_and_risk_behaviours_among_tattooed_and_non-tattooed_students/

links/55261dae0cf24b822b4075a2/Emotional-profile-and-risk-behaviours-among-tattooed-and-non-tattooed-students.pdf (дата обращения: 02.06.2020).

14. Madfis E., Arford T. The dilemmas of embodied symbolic representation: Regret in contemporary American tattoo narratives // *The Social Science Journal*. 2013. Vol. 50. № 4. P. 547—556. DOI:10.1016/j.soscij.2013.07.012
15. McBride D.L. Clinical Guidance to Tattooing and Piercing Among Youth // *Journal of Pediatric Nursing*. 2018. Vol. 39. P. 83—84. DOI:10.1016/j.pedn.2017.11.012
16. More similar than different: Tattooed adults are only slightly more impulsive and willing to take risks than Non-tattooed adults / V. Swami [et al.] // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 88. P. 40—44. DOI:10.1016/j.paid.2015.08.054
17. Motivations for body piercing and tattoos — The role of sexual abuse and the frequency of body modification / A. Stirn [et al.] // *Psychiatry Research*. 2011. Vol. 190. № 2—3. P. 359—363. DOI:10.1016/j.psychres.2011.06.001
18. Peer Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood / L.E. Sherman [et al.] // *Child Development*. 2018. Vol. 89. № 1. P. 37—47. DOI:10.1111/cdev.12838
19. Psychology of Women Section Review / Eds. L. Lazard, J. Callaghan // *The British Psychological Society*. 2016. Vol. 18. № 1.
20. Roberti J.W., Storch E.A., Bravata E.A. Sensation seeking, exposure to psychosocial stressors, and body modifications in a college population // *Personality and Individual Difference*. 2004. Vol. 37. № 6. P. 1167—1177. DOI:10.1016/j.paid.2003.11.020
21. Ruffle B.J., Wilson A.E. Tat will tell: Tattoos and time preferences // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2019. Vol. 166. P. 566—585.
22. Savrasova-V'un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth [Электронный ресурс] // *Communication Today*. 2017. Vol. 8. № 1. P. 104—112. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=525244> (дата обращения: 02.06.2020).
23. Stigma of ink: Tattoo attitudes among college students / L. Dickson [et al.] // *The Social Science Journal*. 2014. Vol. 51. № 2. P. 265—276. DOI:10.1016/j.soscij.2014.02.005
24. Stirn A., Hinz F., Brähler E. Prevalence of tattooing and body piercing in Germany and perception of health, mental disorders, and sensation seeking among tattooed and body-pierced individuals // *Journal of Psychosomatic Research*. 2006. Vol. 60. № 5. P. 531—534. DOI:10.1016/j.jpsychores.2005.09.002
25. Swami V. Marked for life? A prospective study of tattoos on appearance anxiety and dissatisfaction, perceptions of uniqueness, and self-esteem // *Body Image*. 2011. Vol. 8. № 3. P. 237—244. DOI:10.1016/j.bodyim.2011.04.005
26. Swami V. Written on the body? Individual differences between British adults who do and do not obtain a first tattoo // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2012. Vol. 53. № 5. P. 407—412. DOI:10.1111/j.1467-9450.2012.00960.x
27. Tattooing among high school students in southern Taiwan: The prevalence, correlates, and associations with risk-taking behaviors and depression / C.-F. Yen [et al.] // *The Kaohsiung Journal of Medical Sciences*. 2012. Vol. 28. № 7. P. 383—389. DOI:10.1016/j.kjms.2011.10.008
28. Tattooing and body piercing among adolescent detainees: relationship to alcohol and other drug use / R. Braithwaite [et al.] // *Journal of Substance Abuse*. 2001. Vol. 13. № 1—2. P. 5—16. DOI:10.1016/S0899-3289(01)00061-X
29. Tattoos, gender, and well-being among American college students / J.R. Koch [et al.] // *The Social Science Journal*. 2015. Vol. 52. № 4. P. 536—541. DOI:10.1016/j.soscij.2015.08.001
30. The psychological profile of young people and tattoo changes / D.B. Krasic [et al.] // *European Psychiatry*. 2011. Vol. 26. № 2. 315 p. DOI:10.1016/S0924-9338(11)72024-7
31. The Role of Online Social Identity in the Relationship Between Alcohol-Related Content on Social Networking Sites and Adolescent Alcohol Use / K.J. Pegg [et al.] // *Cyberpsychology Behavior and Social Networking*. 2018. Vol. 21. № 1. P. 50—55. DOI:10.1089/cyber.2016.0665
32. Totten J.W., Lipscomb T.J., Jones M.A. Attitudes toward and stereotypes of persons with body art: Implications for marketing management [Электронный ресурс] // *Academy of Marketing Studies Journal*. 2009. Vol. 13. № 2. P. 77—96. URL: https://www.researchgate.net/profile/Jeff_Totten/publication/289884992_Attitudes_toward_and_stereotypes_of_persons_with_body_art_Implications_for_marketing_management/links/5a6770d0aca2720266b5d2d2/Attitudes-toward-and-stereotypes-of-persons-with-body-art-Implications-for-marketing-management.pdf#page=83 (дата обращения: 02.06.2020).

References

1. Abramenkova V.V. Poimenovanie kak kul'turnyi fenomen — v istorii i sovremennosti [Naming as a Cultural Phenomenon: Historical and Current Perspectives] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2009. Vol. 5, no. 4, pp. 23—32. URL: https://psyjournals.ru/kip/2009/n4/26996_full.shtml (Accessed 14.05.2020). (In Russ.).
2. Galkina E.A., Degtyarev A.V. Otklonyayushcheesya povedenie i autoagressiya u nesovershennoletnikh s modifikatsiyami tela [Deviant behavior and autoaggression in juveniles with body modification] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 1, pp. 90—107. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76156.shtml> (Accessed 02.06.2020). (In Russ.).

3. Pol'skaya N.A. Osobennosti samopovrezhdayushchego povedeniya v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Features of self-harming behavior in adolescence and youth] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta = Izvestia of the Saratov University*, 2010. Vol. 10, no. 1, pp. 92—97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samopovrezhdayushchego-povedeniya-v-podrostkovom-i-yunosheskom-vozraste/viewer> (Accessed 02.06.2020). (In Russ.).
4. Adams J. Marked difference: Tattooing and its association with deviance in the United States. *Deviant Behavior*, 2009. Vol. 30, no. 3, pp. 266—292. DOI:10.1080/01639620802168817
5. Armstrong M.L., Masten Y., Martin R. Adolescent pregnancy, tattooing, and risk taking. *MCN, The American Journal of Maternal/Child Nursing*, 2000. Vol. 25, no. 5, pp. 258—261. DOI:10.1097/00005721-200009000-00008
6. Brooks T.L. et al. Body modification and substance use in adolescents: is there a link? *Journal of Adolescent Health*, 2003. Vol. 32, no. 1, pp. 44—49. DOI:10.1016/S1054-139X(02)00446-9
7. Carroll L., Anderson R. Body piercing, tattooing, self-esteem, and body investment in adolescent girls. *Adolescence*, 2002. Vol. 37, no. 147, pp. 627—637.
8. Chan M., Guo J. The Role of Political Efficacy on the Relationship Between Facebook Use and Participatory Behaviors: A Comparative Study of Young American and Chinese Adults. *Cyberpsychology Behavior and Social Networking*, 2013. Vol. 16, no. 6, pp. 460—463. DOI:10.1089/cyber.2012.0468
9. Koch J.R. et al. Correlations of religious belief and practice with college students' tattoo-related behavior. *Psychological Reports*, 2004. Vol. 94, no. 2, pp. 425—430. DOI:10.2466/pr0.94.2.425-430
10. Deschesnes M., Fines P., Demers S. Are tattooing and body piercing indicators of risk-taking behaviours among highschool students? *Journal of Adolescent*, 2006. Vol. 29, no. 3, pp. 379—393. DOI:10.1016/j.adolescence.2005.06.001
11. Dhossche D., Snell K.S., Larder S. A case control study of tattoos in young suicide victims as a possible marker of risk. *Journal Affect Disorders*, 2000. Vol. 59, no. 2, pp. 165—168. DOI:10.1016/S0165-0327(99)00136-6
12. Dukes R.L. Regret among tattooed adolescents. *The Social Science Journal*, 2016. Vol. 53, no. 4, pp. 455—458. DOI:10.1016/j.soscij.2016.08.004
13. Zrno M. et al. Emotional profile and risk behaviours among tattooed and non-tattooed students [Elektronnyi resurs]. *Medicinski Glasnik*, 2015. Vol. 12, no. 1, pp. 93—98. URL: https://www.researchgate.net/profile/Matea_Zrno2/publication/272191883_Emotional_profile_and_risk_behaviours_among_tattooed_and_non-tattooed_students/links/55261dae0cf24b822b4075a2/Emotional-profile-and-risk-behaviours-among-tattooed-and-non-tattooed-students.pdf (Accessed 02.06.2020).
14. Madfis E., Arford T. The dilemmas of embodied symbolic representation: Regret in contemporary American tattoo narratives. *The Social Science Journal*, 2013. Vol. 50, no. 4, pp. 547—556. DOI:10.1016/j.soscij.2013.07.012
15. McBride D.L. Clinical Guidance to Tattooing and Piercing Among Youth. *Journal of Pediatric Nursing*, 2018. Vol. 39, pp. 83—84. DOI:10.1016/j.pedn.2017.11.012
16. Swami V. et al. More similar than different: Tattooed adults are only slightly more impulsive and willing to take risks than Non-tattooed adults. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 88, pp. 40—44. DOI:10.1016/j.paid.2015.08.054
17. Stirn A. et al. Motivations for body piercing and tattoos — The role of sexual abuse and the frequency of body modification. *Psychiatry Research*, 2011. Vol. 190, no. 2—3, pp. 359—363. DOI:10.1016/j.psychres.2011.06.001
18. Sherman L.E. et al. Peer Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood. *Child Development*, 2018. Vol. 89, no. 1, pp. 37—47. DOI:10.1111/cdev.12838
19. Psychology of Women Section Review. Lazard L., Callaghan J. (eds). The British Psychological Society, 2016. Vol. 18, no. 1.
20. Roberti J.W., Storch E.A., Bravata E.A. Sensation seeking, exposure to psychosocial stressors, and body modifications in a college population. *Personality and Individual Difference*, 2004. Vol. 37, no. 6, pp. 1167—1177. DOI:10.1016/j.paid.2003.11.020
21. Ruffle B.J., Wilson A.E. Tat will tell: Tattoos and time preferences. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2019. Vol. 166, pp. 566—585.
22. Savrasova-V'un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth [Elektronnyi resurs]. *Communication Today*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 104—112. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=525244> (Accessed 02.06.2020).
23. Dickson L. et al. Stigma of ink: Tattoo attitudes among college students. *The Social Science Journal*, 2014. Vol. 51, no. 2, pp. 265—276. DOI:10.1016/j.soscij.2014.02.005
24. Stirn A., Hinz F., Brähler E. Prevalence of tattooing and body piercing in Germany and perception of health, mental disorders, and sensation seeking among tattooed and body-pierced individuals. *Journal of Psychosomatic Research*, 2006. Vol. 60, no. 5, pp. 531—534. DOI:10.1016/j.jpsychores.2005.09.002
25. Swami V. Marked for life? A prospective study of tattoos on appearance anxiety and dissatisfaction, perceptions of uniqueness, and self-esteem. *Body Image*, 2011. Vol. 8, no. 3, pp. 237—244. DOI:10.1016/j.bodyim.2011.04.005
26. Swami V. Written on the body? Individual differences between British adults who do and do not obtain a first tattoo. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2012. Vol. 53, no. 5, pp. 407—412. DOI:10.1111/j.1467-9450.2012.00960.x

27. Yen C.-F. et al. Tattooing among high school students in southern Taiwan: The prevalence, correlates, and associations with risk-taking behaviors and depression. *The Kaohsiung Journal of Medical Sciences*, 2012. Vol. 28, no. 7, pp. 383—389. DOI:10.1016/j.kjms.2011.10.008
28. Braithwaite R. et al. Tattooing and body piercing among adolescent detainees: relationship to alcohol and other drug use. *Journal of Substance Abuse*, 2001. Vol. 13, no. 1—2, pp. 5—16. DOI:10.1016/S0899-3289(01)00061-X
29. Koch J.R. et al. Tattoos, gender, and well-being among American college students. *The Social Science Journal*, 2015. Vol. 52, no. 4, pp. 536—541. DOI:10.1016/j.soscij.2015.08.001
30. Krasic D.B. et al. The psychological profile of young people and tattoo changes. *European Psychiatry*, 2011. Vol. 26, no. 2, 315 p. DOI:10.1016/S0924-9338(11)72024-7
31. Pegg K.J. et al. The Role of Online Social Identity in the Relationship Between Alcohol-Related Content on Social Networking Sites and Adolescent Alcohol Use. *Cyberpsychology Behavior and Social Networking*, 2018. Vol. 21, no. 1, pp. 50—55. DOI:10.1089/cyber.2016.0665
32. Totten J.W., Lipscomb T.J., Jones M.A. Attitudes toward and stereotypes of persons with body art: Implications for marketing management [Elektronnyi resurs]. *Academy of Marketing Studies Journal*, 2009. Vol. 13, no. 2, pp. 77—96. URL: https://www.researchgate.net/profile/Jeff_Totten/publication/289884992_Attitudes_toward_and_stereotypes_of_persons_with_body_art_Implications_for_marketing_management/links/5a6770d0aca2720266b5d2d2/Attitudes-toward-and-stereotypes-of-persons-with-body-art-Implications-for-marketing-management.pdf#page=83 (Accessed 02.06.2020).

Информация об авторах

Кожухарь Галина Сократовна, кандидат психологических наук, доцент факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8680-1188>, e-mail: kozhuhargs@mgppu.ru

Information about the authors

Galina S. Kozhukhar, PhD in Psychology, Associate Professor, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8680-1188>, e-mail: kozhuhargs@mgppu.ru

Получена 04.06.2020

Received 04.06.2020

Принята в печать 01.10.2020

Accepted 01.10.2020